

Куба – любовь моя. Глава тринадцатая. К концу второго года

В 2020 году продолжаем публиковать оставшиеся главы воспоминаний инженер-геолога Николая Афанасьевича Самуся о его работе на Кубе 1980-х годах. В этих воспоминаниях много личного, не связанного с профессией. Ведь специалистов тогда приглашали не на один месяц, с собой разрешали перевозить всю семью. Поэтому предлагаемый рассказ интересен скорее с точки зрения истории. Но и для профессионалов найдутся полезные главы, рассказывающие об особенностях работы российских инженер-геологов за рубежом.

Николай Афанасьевич Самуся
ООО «ГеоСИМ»

Начиная с марта 1986 года нашей постоянной заботой стало выполнение изысканий по первой очереди метро в Гаване (а для меня – до дня отъезда). Уже 5 марта у Нестора состоялось совещание с участием нас с Мартиным и кубинской группы метро по выполнению изысканий по советским нормам. Мы с Мартиным твёрдо настаивали на этом, поскольку проектирование первой очереди метро в Гаване поручалось Ленметропроекту, а изыскания по ней были поручены чешской группе в Гаване. Поскольку у меня был практический опыт изысканий по подземной части скоростного трамвая в Волгограде, проектирование которой велось по нормам метро, я при прочтении программы изысканий сразу обратил внимание, что у составителей – чехов – нет понимания специфики объекта и опыта подобных работ. Через несколько дней кубинцы организовали нам с Мартиным встречу с геологами чешской группы в присутствии представителей кубинской группы метро. Там мы

высказали свои замечания к программе и подсказали, какие вопросы должны быть в обязательном порядке освещены в техническом отчёте, учитывая специфику объекта: вы проводите изыскания для строительства туннеля метро, то есть, горной выработки, а не жилого дома. Не знаю, кто у чехов был старшим, а их геолог Карл Колеса заявил, что программа утверждена, и ничего менять они не будут. Мы опять в один голос повторили, что время для устранения недостатков ещё есть, иначе отчёт по изысканиям получится не кондиционным и потребует переработки, чего ещё не поздно избежать. Кубинцы слушали молча, опыта подобных работ и у них не было. Расстались каждый при своём мнении. Но не одним метро жили. Начались консультации кубинским геологам по выполнению изыскания для проектирования дымовых труб стана 350 и котельной с дымовыми трубами металлургического завода в Антильяно–де–Асеро у юго-восточной окраины Гаваны, центра ядерных исследований в Сан-Хосе восточнее Гаваны, тоже с неоднократными выездами на площадку, производственной базы строительства горно-обогатительного предприятия Кастельянос в провинции Пинар-дель-Рио, завода по производству лимонной кислоты в Камагуэе, завода азотных удобрений в Нуэвитас (провинция Камагуэй), завода по производству лизина в Сагуа Гранде (провинция Санта-Клара) и др. А один раз даже пришлось разбираться с аварийной ситуацией, возникшей на любимой нашей ронерии в Санта-Крус-дель-Норте. Там внезапно возник провал под одним их цехов. Разбираться пришлось нам с В.И. Мартиным. Первый наш вопрос был: какие утечки жидкостей могли быть в цеху. Оказалось – утечки бродильных смесей. Могли там быть органические кислоты? Да! Следовательно, там развился техногенный карст: органические кислоты вступили в реакцию с калькаренитами и известняками в основании фундаментов, началось интенсивное разрушение и выщелачивание известняка. Рекомендация: ограничить утечки, полость засыпать щебнем силикатных пород, иначе процесс повторится.

Кастельянос – одна из «кочек» на моих кубинских путях. Первые изыскания были выполнены там нашей экспедицией за несколько лет до этого. Писала отчёт, кажется, геолог Трусова из Москвы. Как-то ко мне обратился один советский проектировщик и попросил прокомментировать оценку сейсмичности территории площадки. Я прочитал отчёт и понял, что там сейсмичность сильно завышена: горизонтальный слой аллювиального окатанного галечника приняли за тектоническую зону дробления и на этом предположении оценили сейсмичность. Тогда я попросил через кубинских геологов устроить мне встречу с каким-нибудь местным специалистом по сейсмике. Привели профессора Гаванского университета Альбеара. Поговорили о карте сейсмичности, приведенной в атласе Кубы. Доброжелательная беседа длилась часа два. Мы оба подтвердили свои прежние позиции: сейсмичность площадки в Кастельянос соответствует карте в атласе, то есть, менее 6 баллов по советским нормам. Об этом я сообщил проектировщику, но он попросил оформить ответ как письменное сообщение. Как оказалось, он потом направил это сообщение в свой московский институт, а тот официально запросил объединение «Стройизыскания» согласовать точки зрения авторов отчёта и советского специалиста, находящегося в настоящий момент на Кубе (мою). Тут я стал «копать» глубже.

Из прежних «вольных» бесед с кубинскими специалистами я знал, какие чувствительные к сейсмике сооружения есть в Гаване (автомобильный туннель в западной части города под заливом возле здания нашего ГКЭС, автомобильный туннель от старой Гаваны до Аламара под бухтой порта Гавана – оба построены французами и успешно эксплуатируются много лет, канализационный туннель со Старой Гаваны под бухтой порта Гавана к берегу моря в Аламаре, построенный ещё в 10-е годы двадцатого столетия). Вышел на людей, которые

проводили обследование последнего туннеля при его ревизии в начале 60-го годов текущего столетия. Попросил рассказать, что они видели собственными глазами, на что смотрели, на что внимания обращали, а на что – нет. Мнение их было твёрдое: в обделке туннеля никаких повреждений не было, а это более чем за 50 лет эксплуатации. Вслух я ничего не говорил, а в уме держал одно: все эти сооружения пересекали тектонические структуры – грабены, по сбросовым границам которых сейсмические воздействия сказались бы в первую очередь. Поэтому мы отправили в Москву ответ, подтверждающий мою правоту.

С 17 марта Людмила получила повышение: раньше работала кладовщиком в распределительном пункте ГКЭС, а стала заведующей промышленной секцией, то есть, очень уважаемым человеком. В распределительном пункте советские специалисты раз в месяц, а перед отъездом – вне очереди проводили отоварку, то есть, покупку в советском магазине за кубинские песо промышленных, изредка продовольственных товаров, строго следя, чтобы расходы ни в коем случае не превысили доходы (зарплату). 23 марта в Союз уезжает четверо специалистов из нашей экспедиции, гложет какая-то зависть и тоска, понять которые можно только побывав здесь, почти в райских условиях.

Свободное время провожу в основном за резкой масок, включив магнитофон и слушая музыку. Чаще всего это великолепные песни Высоцкого, которых я раньше не слышал, а здесь прокручивал многократно, почти выучивая наизусть тексты более двухсот его песен. Реже слушаю русские романсы, западную музыку, записанную по радио FM, записи отличного качества. Для удобства резки масок соорудил из досок специальную лавочку (доски нашёл на берегу моря, высушил, обстрогал), под резку выделил в своей квартире пустующую после отъезда Алексея комнату...

5 апреля состоялась экскурсия в дом-музей Эрнеста Хемингуэя на восточной окраине Гаваны. Усадьба, получившая название «Сторожевая башня», которую он создал сначала на небольшом пятнышке, а потом расширил почти до 2 гектаров, представляет собой одноэтажный особняк с хозяйственными пристройками (например, башенка-обсерватория, где стоял телескоп). Особняк стоит на холме с отметкой 119 м над уровнем моря, со стороны за обильной зеленью почти не виден, зато от него открывается прекрасный вид на центр Гаваны. Экскурсия проводится вокруг здания, рассматривать и фотографировать всё можно через открытые окна и двери, но заходить в дом не разрешается. Впечатление произвели библиотека, рабочий стол, обилие чучел животных, застреленных им лично в Африке и других местах. Этот объект позже я с удовольствием посетил ещё раз (рис. 1-4). То ли от загрузки по работе, то ли по причине предстоящего отпуска целый месяц не делал никаких записей в дневнике. Даже письма на Родину писались с трудом, приходилось просто описывать наш быт с такими деталями, что Наташа (сестра) поинтересовалась, зачем я так подробно описываю. А мне просто всё приелось. Некоторое разнообразие вносят частые поездки на объекты и очень редкие – на природу.

Рис. 1. Вид с усадьбы Хемингуэя на центр Гаваны

Рис. 2. Хобби писателя

2 мая опять ездили на Варадеро, на тот же дикий пляж. Я проплавал часа 3 и нашёл несколько «катушек» и одного «парусника». Интересна была встреча с морской черепахой. Увидел её в расщелине дна, решил поймать и показать товарищам, а затем выпустить. Пока сделал движение, чтобы нырнуть, глядь – а её нет на месте. Оглянулся, а она уже метрах в 8, через мгновение исчезла, работая узкими крылышками, как перепёлка. Вот тебе и неповоротливая черепаха!

Рис. 3. Рабочий стол Хемингуэя

Рис. 4. Библиотека

С 8 мая по 8 июня летал в отпуск. Побывал в Москве, Волгограде, Селидово и Черкассах, пообщался с детьми, матерью и сёстрами. В Москву, в объединение «Стройизыскания», пришлось съездить лишний раз. Сначала на меня в присутствии начальника загранотдела набросилась главный геолог отдела Трусова, обвинив меня в незнании дела ни по Кастельяно, ни по Моа, но я дал решительный отпор, приведя точные аргументы и заявил Лебедеву, что если она не прекратит истерику, просто встану и уйду. Потом там состоялось заседание технического совета по вопросу выполнения изысканий в Моа, из которого вытекало, что в возникновении аварийной ситуации виновата кубинская сторона, причём, руководители загранслужбы потребовали, чтобы протокол подписали все присутствующие. Я понял, что так пытаются нейтрализовать меня. Поэтому внимательно молча прочёл протокол, продумал пути возможных своих действий, после чего подписал его. Я видел, что моя оценка ситуации правильная, но очень неприятна для москвичей. Единственное, что сказал Давиду Чхеидзе: не втягивайте меня больше в это болото. Тем самым снимая с себя обязательство помалкивать в случае привлечения. Эта канитель отравила мне отпуск и время после него, единственное утешение было, что заканчивался седьмой месяц второго года пребывания, то есть, осталось времени всего ничего.

21 июня впервые за время пребывания посетили театр Мейя (Mella), смотрели национальный балет Кубы – спектакль «Поэт». Балет сопровождался музыкой и декламацией стихов Гарсиа Лорки и других поэтов. Очень интересные декорации, прекрасное музыкальное оформление. Хотя я имел проблему перевода, стихи и другие тексты воспринимал в основном как интонативное звуковое оформление. В перерыве мы высмотрели, что впереди через один ряд от нас смотрит спектакль самая знаменитая кубинская балерина Алисия Алонсо. Я попросил переводчика Володю Павлюка получить у неё автограф. На обратной стороне театрального билета она написала «На память», поставила росчерк и год 1986. Этот билет немедленно вклеил в дневник.

22 июня 1986 года, воскресенье. 45 лет назад началась Великая Отечественная война. С утра во Флоресе учения народной милиции. В 9.00 грохнула артиллерия, завывла сирена. Потом пошла автоматная и пулемётная пальба. Между домами побежали, стреляя холостыми патронами, вооружённые мужчины и довольно упитанные немолодые женщины в касках и форме милисианос – мимо мирно идущих детей и взрослых зевак. Когда это только учения – это может восприниматься как забава, игра. Глядя на всё это вспоминаю, как во время войны прятались с матерью от бомбёжки под лавку в деревенской хате... Совсем не было смешно.

С 4 по 6 июля ездили в туристическую поездку на остров Хувентуд («Молодёжь»), старое и более известное название – Пинос («сосны»). Ездили мы, Сергеев, Павлюки и Мартины. Интересная дорога до южного побережья Кубы, порт Батанабано. Три автобуса везли пассажиров рейса «кометы». Регистрация пассажиров на «комету» в порту по паспортам, в порту же – пограничный контроль (часть пути «комета» проходит по нейтральным водам), два часа по Карибскому морю с зеленоватым, как у льда цветом воды (рис.6). Устроились в доме приезжих Академии наук Кубы – бывший особнячок с кондиционерами и цветным телевизором. 5 июля посетили бывшую тюрьму, где сидел Фидель Кастро (рис.96) и участники атаки на Монкаду (вопрос стоял даже о возможности смертного приговора, тогда мать Фиделя, влиятельная и твёрдая женщина, заявила епископу о возможных своих ответных шагах, после чего тюремное заключение сыновьям было заменено на изгнание с Кубы). Потом посетили мастерскую по изготовлению чучел крокодилов, черепах и т.п. (Naxidermia), купили пару морских звёзд, рака-отшельника и краба – на память об острове.

Затем посетили дом, где в девятнадцатом веке жил, будучи в ссылке перед отправкой в Испанию, Хосе Марти (6-летнюю каторгу ему заменили на длительную ссылку).

Рис. 5. Остров Пинос. Тюрьма, где сидел Фидель

Рис 6. Цвет воды Карибского моря по пути на Пинос

Затем посетили пляж с «чёрным» песком. На самом деле песок кварцевый, смешанный с игольчатыми песчинками, видимо, пироксенов, содержащих окислы титана, поэтому цвет песка серый. После обеда поездка через город La Fe («Вера») в центре Пиноса на его южную оконечность. По дороге видели почти метровую игуану, перебегающую шоссе, много диких голубей. По бокам шоссе в северной части острова плантации цитрусов, ананасов, фрута-бомбы, южнее – джунгли на болте – кустарник, редкие низкорослые пальмы, единичные сосны на пастбищах, а в основном – листовенные кустарники, сплетённые лианами в сплошную стену так, что не продерёшься.

Пляж на южной оконечности острова чистый, коралловый. На нём никого, даже пограничников... Зброшенная хижина да вышка. Более чем в километре от берега виден бурун – белая полоса прибоя и слышен постоянный рокот волн даже на таком расстоянии, хотя стоит полный штиль. Между рифом и берегом небольшие волны. Поскольку маски и ласты только у нас двоих с Людмилой, решаем доплыть до рифа, полюбоваться месивом из рыб и воды... Берег острова постепенно удаляется, а риф кажется всё на том же расстоянии. Нашли красивую «развёртку». На дне в белом известковом иле и песке – отдельные норы, возле которых «дежурят» по 2–3 рыбки удивительной расцветки. Приближаешься – дружно ныряют в нору. Время идёт, наши товарищи на пляже превратились в маленькие точки (проплыли не менее километра), а риф впереди рокочет всё на том же удалении. В стороне проплывает какая-то крупная рыба (через стекло маски всё увеличивается раза в два)... Решаем вернуться, так и не полюбовавшись рифом... По пути на север острова видим крупных крабов, бочком убежавших с дороги при приближении машины. Поездкой остались очень довольны.

7 июля пришёл телекс из Москвы с согласием на продления мне срока заграникомандировки на третий год. Не скажу, что очень этого жаждали, просто не стали упускать возможность что-то заработать ещё, тем более пребывая, по советским меркам, в санаторно-курортной местности с экзотическими невиданными красотами... Уже 10 июля прошёл медкомиссию в связи с продлением...

13 июля наблюдал редкое явление. Около 16 часов налетел небольшой циклон, полил ливень с градом размером от гороха до вишни. Стучал по жалюзи, перилам балкона, осколки летели на балкон, в квартиру через запалённую сетку полетела водяная пыль с грязью. Заляпало стены, пол, мебель... Резкие вспышки молний и оглушительный грохот, как из пушки... Тучи шли не над островом, как обычно, а над морем, а перед самым заходом солнца была радуга: ярчайший вертикальный столб до тучи...

19 июля сдал подписку на периодические издания на 1987 год. Сдал с первого захода, чем вызвал большое удивление у всех знакомых, потому что никому не удавалось сдать даже с третьего раза. Я же хорошо изучил требования и строго им следовал.

20 июля с Людмилой сделали попытку проплыть против течения из посёлка Флорес до Наутико. Проплыть напрямую мешал поток мутной воды, вытекавшей из ручья между посёлками. Стали обходить, удалились метров 400–500 от берега. Когда почти приблизились к катерам, что ходили здесь с рыбаками, увидели у дна крупных рыб, предположили, что барракуды. Одна неподвижно стояла у дна, вторая скользила туда-сюда метрах в 15–20 впереди, а вокруг резвились рыбы помельче. Людмила приподняла голову, вынула дыхательную трубку изо рта и крикнула: «Давай отсюда!», после чего быстро помчалась назад к берегу, догнать я не смог.

24 июля опять были на карнавале на Малеконе (набережной). Намного менее зрелищное событие, чем в предыдущий год, за три часа прошло десятка полтора корос с танцующими энтузиастами, отдельные сопровождалась шеренгами танцоров. Карнавал – это наследный

праздник выходцев из Африки, в этом году, кроме открывавшей шествие группы китайцев принимали участие в основном темнокожие вперемешку с мулатами... (в следующем, 1987 году карнавал был ещё менее интересен, в дневнике еле разыскал запись о нём: ничего нового и занятного).

А на следующий день приняли участие в «красной пятнице» – помогали строить домик для сельского врача в посёлке южнее аэропорта Хосе Марти. Работали весь день под солнцем, было жарко и душно, без ветра. Работали до 16, вечером у меня была температура, видимо, получил небольшой тепловой удар, но после папазола, цитрамона и двух таблеток аспирина всё прошло...

Зато 26-го ездили на главный пляж Гаваны – Санта-Мария за восточной окраиной города. Многокилометровый песчаный пляж, тысячи людей, прекрасный белый коралловый песок, чистое дно, никакой растительности. Отплыли метров 350, глубина возросла до 6–7 м, увидели несколько рыбок и одну барракуду, когда песчаное дно с волновой рябью и при отсутствии какой-либо живности стало плохо просматриваться, повернули назад. Пробыли под солнцем до 12 и поехали домой. Всё же «пляж» во Флоресе интересней: на следующий день увидел там знакомого осьминога, нашёл несколько «пуговиц», кучку выпотрошенных осьминогом ракушек... Море чистое, тихое, прямо из квартиры идёшь на пляж в плавках, босиком, с ластами в руках и маской на голове... Наступили очень жаркие и душные дни, бессонница, начали сниться кошмары, что вылилось в стихотворение «Прединфарктные сны»:

Скоро утро... Четыре... Кошмар, а не сон.
Жуткий вопль в темноте... Спуск с горы очень крут...
Два зелёных зрачка... За стеной чей-то стон...
Камнепад... Стая крыс... Меж кораллами – спрут...
Сон и явь перепутались, видно, в моей голове...
Задыхаюсь от бега во тьме вдоль реки...
То скольжу по камням... Вижу кровь на траве...
Или нож выбиваю из чьей-то руки.
То овчарку в оскал бью ногою в сердцах.
Страх давлю я в себе, и ни звука сквозь зубы.
Почему только смерть, только боль в этих снах,
А не зелень очей и желанные губы?...

Интересную картину наблюдал в море во Флоресе третьего августа: плотный косяк мелкой рыбешки, похожей на хамсу, мириады особей... При глубине до полутора метров дно сквозь этот косяк не просматривается. Двигается весь поток синхронно, строго в одном направлении, неожиданно, по неизвестной команде весь косяк поворачивает то в одну, то в другую сторону. Плывёшь – косяк расступается, вдруг в просвете стоит барракуда, лениво двигая челюстями... Проплыли по этому месиву рыбы и воды метров двести...

Продолжение следует...